

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-50-60

ДИЛЕММА ЭТНИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНФЛИКТНОСТИ: ПРИМЕР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ХОРВАТИИ (1990–1995)

Д. О. Растегаев

Растегаев Даниил Олегович, младший научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия.
E-mail: rastegaev.2000@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1158-9987).

Аннотация

Предпринята попытка на основании сравнения различных вариантов рассмотрения конфликта в Хорватии (1990–1995) оценить эвристический потенциал модели дилеммы этнической безопасности. В первом подразделе представлена динамическая модель гражданской войны в Хорватии, приведено разделение на этапы, выделены основные поворотные моменты конфликта. Далее рассмотрены ключевые положения работ, посвященных изучению конфликта на основе дилеммы этнической безопасности. Работы разделены на две основные группы: последователи и критики дилеммы этнической безопасности Б. Позена. Критики оспаривают ключевые положения его концепции: феномен анархии, роль лидерства в межгрупповых взаимоотношениях, роль идентичности в процессе формирования конфликтности. В результате анализа хорватского случая были выделены ключевые ограничения дилеммы этнической безопасности как аналитической модели для этнополитических конфликтов: отсутствие единой модели дилеммы, недостаточность оснований для однозначной интерпретации событий конфликта, недооценка внешних факторов конфликта и возможное отсутствие релевантного явления. Это поможет в дальнейшем уточнить дилемму этнической безопасности как аналитическую модель конфликтности.

Ключевые слова: этническая безопасность; дилемма безопасности; этнополитический конфликт; гражданская война в Хорватии; этническое предпринимательство; Сербия; Югославия; Сербская Краина.

Всплеск этнополитической активности на Балканах и постсоветском пространстве конца 1980-х – начала 1990-х гг. породил бум научных поисков возможных объяснений этих конфликтов. Одним из первых свою модель предложил Барри Позен – создатель дилеммы этнической безопасности. В одной из работ он предпринял попытку объяснить гражданскую войну в Хорватии, представив ее ход через призму дилеммы безопасности (Posen, 1993). В дальнейшем различные авторы пытались с разной степенью успешности продолжать или опровергать теоретические посылы Б. Позена. В итоге нагромождение опровержений и подтверждений изначальных идей привело к огромной путанице. Новые этнополитические вызовы требуют более четких политических прогнозов и рекомендаций, которые невозможны в условиях относительной теоретической неразберихи.

Настоящая статья – попытка выработать «консенсусное» видение модели дилеммы этнической безопасности. Выбор гражданской войны в Хорватии (1990–1995 гг.) в качестве фактуры продиктован выбором самого Б. Позена. В рамках исследования мы попытаемся рассмотреть исходный конфликт с помощью и без помощи дилеммы этнической безопасности, параллельно привлекая работы по конфликту, так или иначе использующие дилемму в качестве одного из методов исследования. В результате мы рассчитываем сформулировать уточненную версию дилеммы этнической безопасности и выделить ее ограничения для анализа этнополитической конфликтности.

Гражданская война в Хорватии (1990–1995): динамическая модель

Прежде всего, необходимо кратко рассмотреть динамику конфликта в Хорватии (1990–1995). С 1945 г. конфликт хорватов и сербов Краины перешел в разряд тлеющих, и *период 1945–1988 гг.* характеризовался латентным противостоянием при отсутствии организованных групп, но при сохране-

нии четкого разделения идентичностей по линии «сербы – хорваты». Фоновыми условиями формирования конфликтной ситуации стали национально-ориентированная деятельность Союза коммунистов Хорватии, сохранение в общественном пространстве идей хорватского («сепаратистского») национализма, национал-популизм ряда политических деятелей конца 1980-х гг. (в частности, С. Милошевича и Ф. Туджмана). Политизация этничности происходила за счет акцентирования этнического измерения в политической риторике общественных лидеров, стремящихся консолидировать свой электорат.

Следующий этап взаимодействия сербов и хорватов в Хорватии включает постепенную самоорганизацию групп по этническому признаку (1989-й – май 1990-го). Она выразилась в образовании хорватских и сербских просветительских обществ (восстановление Матицы Хорватской для хорватов и Просветы для сербов, появление сербских просветительских обществ Зора, Саво Мркаль), а затем и политических партий (Хорватского демократического содружества и Сербской демократической партии), которые стали основными акторами конфликтного взаимодействия. Это обстоятельство, впрочем, нельзя назвать основным условием эскалации напряженности: наличие политически организованных групп не означает *per se* их нацеленность на силовое разрешение конфликта. Но произошедшее размежевание, формирование *cleavages* (движения институционализировались, дихотомия «мы – они» стала более очевидной, группы приобрели четкие очертания) отражает готовность общества к стремительному вхождению в стадию открытого противостояния. Фоновые условия на данном этапе: кризис федеративной государственности в СФРЮ, курс на либерализацию и демократизацию общественной жизни, раскол интересов по линии «за – против СФРЮ». Политическое пространство стало приобретать черты основного поля конфликтности; следовательно, разный уровень политической грамотности групп (наличие / отсутствие предвыборной стратегии или какой бы то ни было электоральной организации) оказал прямое влияние на победу ХДС и поражение СДП на выборах в Сабор апреля 1990 г.

Май–август 1990 г. (первые месяцы у власти ХДС) стоит считать предконфликтной стадией. Конфликт стал приобретать ценностный характер (что означало его переход в разряд трудноразрешимых), каналом реализации ценностного потенциала стало реальное воплощение хорватской этнонационалистической риторики в пространстве символического (изменение государственных символов, переименование улиц, учреждений, начало конституционной реформы). Конфликт также приобрел разноуровневый характер. Теперь из противостояния политических программ партий одного (опозиционного) уровня взаимодействие трансформировалось в конфронтацию по линии «центр – периферия» / «власть – региональная оппозиция» / «централизм – регионализм». Подобная конфигурация предопределила «зеркальность» в радикализации отстаивания сербами прав на сохранение собственной идентичности. Стороны конфликта начали приобретать большую политическую субъектность: хорватское государство, с одной стороны, и территориальное объединение общин с сербским этническим большинством вкупе с представительными органами сербов Хорватии – с другой. Фоновые условия: усугубление кризиса государственности в СФРЮ, возобладание «центробежных» сил в среде хорватской политической элиты.

События *середины августа 1990 г.* («революция бревен») мы рассматриваем как череду инцидентов разгорающегося этнополитического конфликта (далее – ЭПК). «Революция» (неудачный разгон хорватскими правоохранительными органами референдума по вопросу о формировании автономии краинских сербов в составе Хорватии) стала своеобразной точкой бифуркации, после которой группы окончательно осознали свою политическую субъектность (здесь фактор субъектности не идентичен фактору институционализации) и пришли к выводу о допустимости и даже необходимости силового разрешения конфликта. Правда, были и попытки договориться. 6 октября в Книне состоялась встреча представителей Сербского исполнительного веча во главе с М. Бабичем с делегацией от Хорватии во главе с министром внутренних дел Йосипом Больковацем (Hronika... 1989–1991: 39). С 24 октября по 28 ноября действовала специальная комиссия при хорватском Саборе, «которая должна была определить параметры и степень сербской культурной автономии в СР Хорватии» (Пивоваренко, 2014: 116). Однако после «революции бревен» даже самые большие (по хорватским меркам) уступки не смогли бы удовлетворить интересы сербской стороны. Также «революция» была инструментализирована обеими сторонами при консолидации групп по этническому признаку; ситуация скатывалась в состояние «биполярности» с приобретением черт конфликта «с нулевой суммой».

Август 1990-го – март 1991 г. можно считать первым этапом конфликта. В этот период произошло оформление основных механизмов эскалации конфликтности: инициатива хорватской сторо-

ны (с использованием сил МВД, затем Национальной гвардии и вооруженных сил¹), оборона сербской стороны (при помощи сил Территориальной обороны, затем при участии Югославской народной армии). Условия начала конфликта выдвинули в политическом пространстве Краины сторонника военных действий М. Бабича (будущего президента РСК) и отодвинули сторонника компромиссного решения конфликта Й. Рашковича. Конфликтное взаимодействие вылилось в спорадические акты бытового насилия и мародерства, а также в периодические нападения хорватского МВД на отделения милиции сербских общин с целью их разоружения. Период включает также упущенную возможность политической деэскалации конфликта: сорванные переговоры лидеров хорватского истеблишмента с лидерами хорватских сербов, неудовлетворительная работа комиссии при Саборе по «определению сербской культурной автономии». Одновременно выкристаллизовались типичные форматы описания конфликтных действий: с хорватской стороны – «восстановление конституционного порядка», с сербской – «защита права на существование сербского этноса в Хорватии». В этот период также происходит юридическое оформление институционализации субъектов: РХ принимает новую конституцию², сербские общины Лики и Далмации провозглашают свою территорию *Сербской автономной областью Краина*³. Фоновыми обстоятельствами стали стремительное вооружение Хорватии (через контрабанду оружия из Венгрии и Германии), вмешательство руководства ЮНА в ЭПК на стороне сербов⁴, которые выступали против выхода Хорватии из СФРЮ (показателен «ультиматум Кадиевича» о разоружении территориальной обороны Хорватии и Словении (Marijan, 2008: 48)).

Март 1991-го – январь 1992 г. мы рассматриваем как второй этап манифестированного ЭПК и первый этап Войны в Хорватии. «Военный» инцидент, послуживший точкой бифуркации для окончательного преобладания военно-силовых методов разрешения ЭПК, – крупное столкновение хорватской полиции и сербов в Пакраце 2 марта 1991 г. Предпосылкой для этого послужили принятие Сабором декларации «О раздружении» с СФРЮ, ответное принятие Скупщиной САО Краины декларации «О раздружении» с Хорватией (Hronika... 1989–1991: 46). Решающий фактор первого этапа войны – участие ЮНА: сербы Краины одерживали победу там (это хорошо видно на примере осады Вуковара), где им оказывали поддержку подразделения ЮНА. К причинам участия ЮНА в конфликте на стороне сербов добавилось противодействие блокадам казарм ЮНА после принятия Декларации о независимости Хорватией и Словенией 25 июня 1991 г. Каналы международной горизонтальной эскалации ЭПК на данном этапе включают посредничество Европейского сообщества при подписании Брионского соглашения⁵, деятельность СБ ООН по урегулированию конфликта (включая эмбарго на торговлю оружием с СФРЮ и усилия по выработке режима размещения миротворческого контингента в РХ), дальнейшую негласную поддержку Хорватии некоторыми европейскими странами через поставки вооружений. Также завершился процесс институционализации движения сербов Краины и оформления государственности (создание Республики Сербской Краины⁶, включавшей все автономные области сербов в Хорватии).

Черта под первыми двумя этапами ЭПК была подведена подписанием 23 ноября 1991 г. в Женеве Плана Вэнса президентом Хорватии Ф. Туджманом, президентом Сербии С. Милошевичем и главой ЮНА В. Кадиевичем, а также достижением сараевских договоренностей о прекращении огня 2 января 1992 г. Их результатом стало международное признание в январе 1992 г. Республики Хорватия. В итоге конфликт еще больше «вертикализировался», трансформировавшись в противостояние

¹ Военные функции были возложены на формировавшиеся силы территориальной обороны, затем на полицию. Фактически была организована контрабанда оружия, в октябре 1990 г. была закуплена первая партия автоматов Калашникова у Венгрии за немецкие марки (Tanner, 1997: 234–235). Только к апрелю 1991 г. было завершено формирование Народной гвардии (в составе МВД РХ; см.: Zakon o izmjenama i dopunama Zakona o unutarnjim poslovinama // Narodne Novine. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1991_04_19_598.html (accessed 27 April 2023)). В сентябре 1991 г. (после начала активных боевых действий) был принят закон «Об обороне», по которому создавалось «Хорватское войско» на основе гвардии (Zakon o obrani // Narodne Novine. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1991_09_49_1230.html (accessed 27 April 2023)).

² Ustav Republike Hrvatske // Narodne Novine. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_12_56_1092.html (accessed 27 April 2023).

³ Статут Српске Аутономне Области Крајине // Викизворник. 1990. URL: [https://sr.wikisource.org/sr-es/Статут_Српске_Аутономне_Области_Крајине_\(1990\)](https://sr.wikisource.org/sr-es/Статут_Српске_Аутономне_Области_Крајине_(1990)) (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ Хорватия должна была разоружиться по ультиматуму Президиума СФРЮ от 20 января 1991 г., а уже 23 января части ЮНА были наделены полномочиями самостоятельно разоружать паравоенные формирования; 25 января было объявлено о демобилизации «резервного состава милиции Хорватии», а также стало известно о контрабанде оружия в Хорватии.

⁵ Brijunska deklaracija // Wikizvor. URL: https://hr.wikisource.org/wiki/Brijunska_deklaracija (accessed 27 April 2023).

⁶ 19 декабря 1991 г. в Книне Учредительным собранием была провозглашена Республика Сербская Краина в составе территорий САО Краины и АО Славонии, Бараньи и Западного Срема, а также была принята Конституция РСК. Президентом РСК был избран Милан Бабич.

международно-признанного в границах 1990 г. государства и «мятежного» региона. С политической точки зрения происходит дальнейшее размежевание субъектов конфликта: Сербская демократическая партия (сформировавшая РСК) маргинализируется, переходя в категорию субъекта «аут-группы», сценарий «регионализации» сербского движения выразился в создании в 1991 г. лояльной Загребу Сербской народной партии.

Период *февраль 1992-го – декабрь 1995 г.* принято считать завершающим этапом ЭПК и Войны в Хорватии. Он включает как фазы эскалации (военные операции ВС Хорватии: вспомним, например, операции «Масленица» и «Медакский карман» в РСК в январе 1993 г.), так и фазы деэскалации (переговоры, подписание Экономического соглашения в 1994 г.¹, работа всевозможных комиссий²). Главным фактором динамики конфликта стало размещение миротворческого контингента СООНО в Хорватии в феврале 1992 г. От его численности, режима присутствия и позиции международного сообщества зависел исход военной кампании и разрешения ЭПК в целом. Фактор СООНО был использован в интересах хорватской стороны: после полного вывода ЮНА из Краины при поддержке миссии миротворцы ООН не могли препятствовать дальнейшим боевым действиям. Миссия не справлялась с пресечением жестокости с обеих сторон. Наибольшую выгоду, впрочем, извлекли ВС Хорватии: они неоднократно нарушали перемирие, самыми заметными нарушениями стали операции «Масленица» и «Медакский карман» 1993 г. в Западной Славонии и Лике, в результате которых РСК лишилась значительных территорий. Непродление мандата миссии СООНО в начале 1995 г. послужило одной из причин военного поражения Краины. Внешним фоновым фактором в этот период были боевые действия в Боснии и Герцеговине: «блокирование» с мусульманами и достижение Дейтонских соглашений позволили Хорватии сконцентрировать основные силы на операциях против сербских территорий Краины. К каналам международного влияния на конфликт добавилась Контактная группа по Югославии под эгидой ООН (в составе России, США, Великобритании, Франции, Германии и Италии). В этот период была упущена последняя возможность мирного урегулирования ЭПК: План Z-4 по реинтеграции краинских земель в Хорватию был провален, и основным фактором разрешения ЭПК стали рост боеспособности ВС Хорватии и стремительное падение обороноспособности вооруженных формирований Краины (с 1992 г. – Сербской армии Краины). Впрочем, для разрешения ЭПК был использован комбинированный сценарий военной победы над Краиной (операции «Молния» мая 1995 г. против сербов Западной Славонии и «Буря» августа 1995 г. против сербов Лики и Далмации) и подписания Эрдутского соглашения в ноябре 1995 г. по мирной реинтеграции Восточной Славонии в РХ. Фаза конфликтного взаимодействия ЭПК в Хорватии завершилась полной победой хорватской стороны.

Конструируя реальность: Б. Позен и дилемма этнической безопасности

Изобретатель дилеммы этнической безопасности Б. Позен использовал в качестве одного из доказательств своей теории случай этнополитического конфликта в Хорватии (Posen, 1993). Точность и полнота картины, представленной в его исследовании, ограничены временными рамками – на момент написания статьи конфликт еще не был завершен. Также стоит учитывать, что для Б. Позена характерно рассмотрение конфликтующих этнических групп как рациональных политических субъектов, действующих практически как государства (оценивая «худшие сценарии» и вступая в гонки вооружений). Тем не менее рассмотрим эту модель на фактуре исследуемого конфликта более подробно.

Б. Позен выделил факторы, оказывавшие наибольшее влияние на процессы дезинтеграции в СФРЮ: от «наступательных» идентичностей и наличия районов компактного проживания этносов до неравенства в потенциале новых республик и внезапно возникших банд фанатиков. Сочетание некоторых из этих факторов рождает предпосылки к складыванию ситуации дилеммы этнической безопасности. Собственно, сам распад Югославии рассматривается исследователем как эпизод «растущей анархии», провоцирующей обострение «поиска безопасности» коллективными акторами. Конфликт идентичностей (идентичность рассматривается как имманентная, пассивная категория, необходимая

¹ В декабре 1994 г. был подписан Договор о нормализации экономических отношений между Краиной и Хорватией: восстанавливались автомагистраль через Западную Славонию, нефтепровод, поставки электричества и работа водопровода (Гуськова, 2001: 212).

² Помимо всего прочего, действительно осуществлялась работа различных комиссий (например, по сельскому хозяйству); в рамках военного комитета представители Хорватии и РСК обсуждали вопросы прекращения огня, проезда гуманитарных конвоев и проч. (Гуськова, 2001: 212).

для объяснения групповой сплоченности) в сочетании с компактным проживанием в этнических анклавах по всей Югославии дает преимущество наступательных действий перед оборонительными: сербы оказались в более угрожаемом положении, в котором с учетом анклавного характера их расселения единственным путем к «спасению» было, собственно, быстрое наступление. Сам конфликт идентичностей ощущался особо остро ввиду исторического характера взаимоотношений сербов и хорватов и относительной легкости обретения компетенций для ведения боевых действий.

Б. Позен объясняет, почему сербам оказалось выгоднее нанести превентивный удар здесь и сейчас: в качестве катализатора «окон возможностей» автор указывает успешную «революцию бревен» и начавшееся после этого вооружение сербских отрядов территориальной обороны за счет оружия ЮНА – в результате сербы получили краткосрочное военное преимущество, которое необходимо было быстро реализовать. Среди важных контекстуальных перемен автор называет понижение статуса сербского народа (с государствообразующего до национального меньшинства), а также замену сербских сотрудников МВД на хорватских в соответствии с политикой нового правительства Хорватии, что усугубило страхи сербской стороны. Также на начало превентивной войны со стороны сербов повлияло тесное сотрудничество Хорватии и ФРГ.

Рассмотрим также теоретические выкладки «продолжателей» Б. Позена. Уильям Роуз (Rose, 2000) выдвинул аналогичную гипотезу: этническая гражданская война более вероятна при наличии интенсивной дилеммы этнической безопасности. К пяти переменным, влияющим на интенсивность, которые были выделены Б. Позеном (гонка вооружений, политическая мобилизация, относительное изменение соотношения сил, возникновение поводов для «экспансии во имя защиты» (“*defensive expansion incentives*”), преимущество первого удара), У. Роуз добавляет пять своих (применение дипломатии «свершившегося факта» (*fait accompli*), рост популярности тактики «переноса вины» (“*blame-shifting*”), уменьшение количества переговоров и соглашений, большая секретность политических стратегий и военных планов, рост числа союзов между разными этническими группами).

Анализируя предпосылки конфликта в Хорватии, У. Роуз указывает на преимущество превентивного сербского удара в качестве максимально эффективной меры защиты населения в этнических анклавах (это иллюстрирует положение о размытии оборонительного и наступательного характера действий). В такой констелляции хорватский национализм, призванный защитить хорватов в Хорватии, выглядел еще более устрашающим для сербов (в силу памяти о событиях Второй мировой войны). В свою очередь, хорваты тоже опасались сербов из-за страха доминирования Сербии, отделения земель хорватских сербов и утраты Хорватией ряда стратегических ресурсов (например, Книн – столица Сербской Краины – служил ключевым транспортным узлом между Загребом и Далмацией; следовательно, сецессия Краины означала бы крах для хорватской туристической индустрии). Немаловажными были опасения возрождения четничества вкупе с довольно слабым характером интегрированности в хорватское общество сербов, живших преимущественно в сельской местности, вдали от больших городов.

Движение хорватских сербов к независимости, по мнению У. Роуза, получило развитие из-за двух факторов: антихорватская пропаганда С. Милошевича и хорватские действия, воспринятые сербами как враждебные. Хорваты также считали, что для защиты их интересов необходимы наступательные действия. Преимущество хорватов в 1990–1991 гг. было только в политической сфере, им удалось сформировать националистическое правительство, которое было бы способно защитить их интересы; для сербов новая политическая система казалась нелегитимной, и это сделало конфликт более вероятным. У. Роуз утверждает, что *fait accompli* со стороны хорватов выразилось в новой конституции, где сербы лишились статуса государствообразующего народа. Сербия в ответ начала движение в сторону автономии, что на каждом шагу вызывало противодействие хорватов. Стремление хорватов к отделению от СФРЮ как мера по защите своих интересов стимулировало страхи и опасения хорватских сербов, и после Декларации о независимости Хорватии начался полноценный «горячий» конфликт. В контексте гипотезы о «переносе вины» У. Роуз обращает внимание на эпизод в Борово Село мая 1991 г. По сути, хорватская сторона спровоцировала насилие со стороны сербов (по договоренности, существовавшей ранее, хорватские полицейские не могли войти в город без разрешения местной администрации, но 1–2 мая хорваты дважды нарушили договоренность, что спровоцировало ответный огонь сербской территориальной обороны). Жертвы со стороны хорватов и сербов носили больше сакральный характер, и этот акт насилия, где стороны обвиняли друг друга, развязывал им руки на пути к полноценной войне.

Иллюстрируя пассаж о связи ухудшения переговорного процесса и обострения дилеммы безопасности, У. Роуз говорит об изначальной неравноправии сторон: Загреб никогда не рассматри-

вал Книн в качестве равного партнера по переговорам, что уменьшало шансы дипломатического разрешения кризиса и увеличивало опасения сербов. Требования сербов по предоставлению им культурной автономии или более пропорциональной избирательной системы тоже были отклонены. Впрочем, кейс Хорватии позволил У. Роузу опровергнуть свою гипотезу о прямой связи секретности планов сторон и усугубления дилеммы безопасности. Хорваты не скрывали своего намерения выйти из СФРЮ, это открытое намерение, собственно, и вызвало ответную реакцию хорватских сербов. Подводя итог, автор подкорректировал свою гипотезу: стороны склоняются к сокрытию собственных планов только в случае активной дилеммы безопасности.

Стефан Сайдеман в своей модели (Saideman, 1996) произвел попытку срастить этническую безопасность и этническую политику, увязывая, в отличие от Б. Позена, поведение группы не с ее рационально сформированными интересами безопасности, а с курсом этнического предпринимателя. Ключевая препозиция С. Сайдемана состоит в том, что идентичность есть инструмент политических антрепренеров на пути к удержанию власти и сплочению их последователей. Ко времени распада СФРЮ в стране сложилась особая система распределения богатства и власти: разное экономическое развитие республик вкупе с их практически самостоятельными политическими системами. Этнические политики получали шанс прийти к власти, если привлекут доминирующую этническую группу в своей республике (естественно, оставляя за бортом всех остальных). Первым из республиканских политиков, кому это удалось, был лидер Союза коммунистов Сербии С. Милошевич. В условиях серьезного экономического кризиса он смог сплотить сербов перед «албанской угрозой» в Косово. Этим шагом С. Милошевич собрал вокруг себя националистическое и консервативное крыло в партии и смог удержать власть. Также С. Сайдеман обращает внимание на блокирование Сербией перехода президентства к хорватскому представителю в мае 1991 г., что в итоге привело к выходу Хорватии и Словении из СФРЮ.

Пример успеха С. Милошевича оказался пагубным для судьбы единой Югославии. В других республиках в результате первых свободных выборов тоже пришли националисты, в том числе Ф. Туджман и Хорватское демократическое содружество в Хорватии. Национализм Ф. Туджмана (ушташская символика и радикальное сокращение прав национальных меньшинств), в частности, поднял вопрос о безопасности крайних сербов. Возросшая степень небезопасности этнических групп привела к росту поддержки политиков, предлагавших защиту от определенных этнических групп, включая сецессию как меру обеспечения безопасности. Этническая политика и этническая небезопасность в результате усиливали друг друга, что неизбежно вызвало эскалацию конфликта. Таким образом, как продолжает рассуждать С. Сайдеман, многочисленные попытки этнических групп усилить свою безопасность вели к ухудшению безопасности других, а это и есть классическая дилемма этнической безопасности.

Деконструируя Б. Позена: по ту сторону дилеммы этнической безопасности

Как мы видели, деконструировать теорию Б. Позена, используя ту же самую фактуру конфликта в Хорватии (1990–1995), начали уже его последователи. Деконструкция дилеммы вылилась в размытие коллективной субъектности хорватов и сербов и повышение роли этнических лидеров в росте эскалации конфликтности. В этом подразделе мы попытаемся суммировать основные работы, критиковавшие модель Б. Позена на базе того же эмпирического материала.

Одним из первых стал Стюарт Кауфман (Kaufman, 1996), представив свою модель дилеммы этнической безопасности, которая не обязательно возникает в результате распада «империи». Различая конфликт масс и конфликт элит, С. Кауфман предлагает модель «перцептивной» дилеммы безопасности, возникающей вследствие проблемы интерпретации намерений оппонента. Ключевая движущая сила его модели – опасения полного исчезновения группы. Конфликты на постъюгославском пространстве считаются С. Кауфманом конфликтами элит, и ключевая фигура здесь – С. Милошевич. Автор отмечает, что до 1986 г. уровень этнической ненависти был низким: широко заключались межэтнические браки и противоречия существовали в основном только в среде национальных историков. В 1987 г. С. Милошевич сменил руководство белградского телевидения и издательского дома «Политика», консолидировав контроль над медиа в своих руках. В начавшейся медиакмпании ключевыми тезисами С. Милошевича были «хорватский фашизм» и «албанский геноцид» против сербов в Косово. В качестве решения проблемы с хорватскими сербами предлагалось создание государства, где «все сербы могли бы жить вместе». В пользу непопулярности подхода С. Милошевича автор приводит следующий довод: перед выборами 1990 г. политик был вынужден смягчить риторику, чтобы создать более широкую коалицию.

Пропагандистская кампания среди хорватских сербов началась не ранее 1988 г., и формирование дилеммы безопасности оформилось уже в 1990 г.: пропаганда пугала не только сербов, но и хорватов, провоцируя стороны на ответные действия. В результате к власти пришло националистическое Хорватское демократическое содружество Ф. Туджмана, и спираль дилеммы безопасности начала раскручиваться: сербы начали формировать свои отряды ополчения (не без поддержки С. Милошевича) и провоцировать хорватскую сторону на применение силы (так С. Кауфман интерпретирует события марта 1991 г. в Пакраце и мая того же года в Борово Село). После реального насилия перцептивная дилемма этнической безопасности приобрела характер структурной: сербы и хорваты вынуждены были действительно обороняться друг против друга.

Пол Ро (Roe, 2000; Roe, 2004) выводит свою концепцию трех дилемм безопасности, различающихся между собой по степени интенсивности: 1) «тесной» (tight) – возникает между акторами с сопоставимыми требованиями к безопасности (security requirements), которые неправильно воспринимают природу их отношений и которые принимают контрмеры, исходя из иллюзорной несопоставимости их требований; 2) «нормальной» (regular) – акторы действуют, исходя из реальной несопоставимости их требований к безопасности; 3) «ослабленной» (loose) – акторы стремятся к достижению безопасности, но делают это непоследовательно. По мнению П. Ро, конфликт в Хорватии – пример «нормальной» дилеммы, а С. Кауфман, по его мнению, предлагал модель «ослабленной» дилеммы.

П. Ро первым из исследователей дилеммы безопасности пытается проследить корни сербо-хорватского конфликта в Первой Югославии, рассматривая хорватский национализм как противовес сербскому централизму. Далее он оценивает противостояние усташей и четников как борьбу двух национализмов. Относительные мир и спокойствие, наставшие с победой коммунистов во Второй мировой войне, закончились с волной демократизации начала 1990 г. Националистическую политику Ф. Туджмана автор называет «хорватизацией»: в символическом (шаховница, переименования и проч.) и в прагматическом (изменения в конституции, связанные со статусом сербского народа, увольнения сербов с административных постов) смыслах. Реакцией на это стала инициатива лидера Сербской демократической партии Й. Рашковича о принятии на общесербском собрании Декларации о суверенитете и автономии сербского народа и проведение референдума об автономии сербских общин в Хорватии. К моменту «революции бревен», по мнению П. Ро, сложилась ситуация «нормальной» дилеммы безопасности. Основные характеристики дилеммы следующие: хорватские и сербские требования безопасности, хорватские и сербские реакции.

Хорватское демократическое содружество и Ф. Туджман были ключевыми выразителями хорватских требований безопасности (хотя их позицию не разделял весь хорватский народ). П. Ро полагает, что цель Ф. Туджмана – «создать хорватское государство, которое было бы домом для хорватского народа» (с фоновой мыслью о необходимости избавиться от сербской опеки). При таком подходе все меньшинства, естественно, рассматривались «чужеродным элементом», а вопроса о возможной потере территорий совершенно не стояло. Книн имел для правительства Ф. Туджмана большое экономическое и культурное значение: это и важная транспортная артерия, и место коронации хорватских королей X–XI вв. При этом налицо была явная ошибка в оценке обстановки: Ф. Туджман был слабо информирован о хорватских сербах – жители Краины (особенно сельские) восприняли хорватизацию острее (в силу памяти об ужасах Второй мировой войны), чем сербы из Загреба и других крупных промышленных городов.

Й. Рашкович озвучивал два основных требования безопасности хорватских сербов: сохранение Югославии и получение сербами автономии в составе Хорватии, и именно второе было в приоритете. Автономия в представлениях Й. Рашковича была скорее культурной: контроль над системой образования и некоторыми другими механизмами репродукции сербской культуры, ни о каком территориальном выделении сербских земель речи не шло. Тем не менее для хорватов сербская автономия означала бы перспективу территориального пересмотра, а именно присоединения Краины к возможной Великой Сербии (имея в виду серьезность фактора пропаганды С. Милошевича). Впоследствии к интересам безопасности сербов добавилось возвращение им конституционного статуса, что тоже не могло быть удовлетворено новой хорватской властью. Так сложилась реальная несопоставимость требований безопасности – и «нормальная» дилемма безопасности.

Эрик Меландер (Melandar, 2009) предлагает в качестве объяснительной модели этнической конфликтности модель «регионального этнического многообразия» (“*regional ethnic diversity*”). Такое состояние характеризуется тем, что в регионе нет доминирующей этнической группы, и в этой констелляции преимущества первого удара значительно выше. В случае сербо-хорватского конфликта автор утверждает, что главной его причиной стало именно региональное многообразие.

Югославская народная армия (ЮНА), в составе которой доминировали сербы, не начинала широких боевых действий в Словении и развернула полноценную войну в Хорватии и Боснии именно из-за проживания в последних большого числа сербов. Белград смог смириться с выходом из СФРЮ Любляны, но не Загреба и Сараева. Хорватское руководство в ответ начало свою войну – и против ЮНА, и против сербов, чтобы предотвратить их отделение от страны. В землях с сербским большинством было и относительно много хорватов, что создавало дополнительный стимул для начала ведения боевых действий.

Али Бильгич (Bilgic, 2013) предлагает свой вариант теоретической рамки – социетальную дилемму безопасности. К ее принципам автор отнес следующее: дилемма безопасности выражается в насилии, зависящем от понимания самими акторами той политической среды, в которой они взаимодействуют друг с другом; интерпретация действий акторов как «благожелательные» и «неблагожелательные» (*malign or benign*) не играет особой аналитической роли, важно лишь то, как акторы понимают собственную безопасность и какими средствами они пытаются ее добиться; фактор идентичности не является внутренним для политики безопасности. А. Бильгич пишет, что акторы в пространстве бывшей Югославии сами выбрали фаталистскую модальность, а не логику уменьшения или преодоления угрозы. Политики рассматривали худший вариант намерений противоположной стороны, считая, что преступления прошлого могут повториться сейчас (в этом и состоит фатализм), и проводили этноцентричную политику, не оглядываясь на восприятие этого другой стороной. Такая фаталистическая политика размывала центральную власть, и популярность этнонациональных лидеров, внушавших чувство безопасности, росла. Анархия в связи с распадом СФРЮ тоже была рукотворной: политики, исходя из того, что «доверять другим этносам нельзя», стремились к обеспечению безопасности только своих социальных групп; постепенно идея «гомогенизированного этнического сообщества» стала представляться лучшим решением проблемы безопасности.

Эстер Виссер и Изабель Дюйвестейн (Visser, Duyvesteyn, 2014) сомневаются, что хоть какая-либо из вариаций дилеммы безопасности способна выступить объяснительной моделью гражданской войны. Они настаивают на том, что главной причиной конфликтности становится история взаимоотношений этносов со страхом перед повторением насилия (ср. с «фаталистической модальностью» А. Бильгича или и вовсе «абсолютным предсказанием» Г. Баттерфилда (Butterfield, 1951: 19–22)). Возвращаясь к текстам создателей оригинальной дилеммы безопасности (Дж. Херца и Г. Баттерфилда), авторы критикуют Б. Позена и У. Роуза за отход от классической модели дилеммы безопасности с подчеркиванием благожелательных намерений сторон (у Позена и Роуза – неблагожелательных); С. Кауфмана – за разделение на структурную и перцептивную дилеммы (утверждая, что дилемма безопасности может быть только перцептивной); П. Ро – за недостаток методологии в смысле определения намерений сторон конфликта; А. Бильгича – за недооценку фактора намерений.

Для поиска дилеммы безопасности в конфликте в Хорватии Э. Виссер и И. Дюйвестейн предлагают рассматривать четырех основных акторов: С. Милошевича, Ф. Туджмана, сербов и хорватов. Первый стремился стать лидером всей Югославии, но потом взял курс на «Великую Сербию», используя провокации и национализм (в том числе платя работникам из малых городов за участие в его митингах, например). Милошевич вооружал сербских повстанцев, а также использовал СМИ для пропаганды. На пути к Великой Сербии он планировал аннексировать части Хорватии и Боснии, населенные сербами. Во время войны в Хорватии в 1991 г. Милошевич, собственно, и использовал части ЮНА, чтобы аннексировать земли, где жили хорватские сербы. Туджман стремился к созданию национального хорватского государства, что было ответом на агрессивную риторику Милошевича. Первым шагом стало обновление конституции, лишившей сербов привилегированного статуса. Туджман был одержим идеей контроля над Краиной. В итоге он смог превратить силы полиции в реальную армию и начать силовой вариант решения конфликта. Его намерения не были полностью благожелательными, он пытался защитить хорватский народ. Впрочем, именно это, по мнению авторов, составляет дилемму безопасности в силу существования мисперцепции намерений сторон.

Хорватские сербы восприняли политику Ф. Туджмана в качестве угрозы (после приглашения хорватских эмигрантов участвовать в съезде ХДС, а также возвращения усташской символики сербы ожидали повторение ужасов Второй мировой войны). Милан Бабич, лидер хорватских сербов, использовал, в свою очередь, фактор страха перед хорватским национализмом для укрепления своего авторитета и принуждения голосовать за отделение Сербской Краины от Хорватии. Сами хорватские сербы, впрочем, ранее голосовали на выборах не за Сербскую демократическую партию, а за Партию демократических реформ, возглавляемую хорватом (здесь авторы, впрочем, допускают некоторую фактологическую ошибку – до 1990 г. эта партия носила название «Союз коммунистов Хорватии»).

Сами хорваты включились в конфликтную ситуацию последними. Подводя итог, отметим, Э. Виссер и И. Дюйвестейн утверждают, что к анализу этого конфликта применима только динамика дилеммы безопасности (возникшая с началом насилия), но не сама дилемма.

Эвристический потенциал дилеммы этнической безопасности: вместо выводов

Деконструкция дилеммы этнической безопасности в редакции Б. Позена вылилась, во-первых, в анализ конфликтного взаимодействия с точки зрения его субъектов (интерпретация интересов и намерений сербской и хорватской сторон), и, во-вторых, в разграничение субъектности этнических групп и этнических политиков (главным образом, С. Милошевича и Ф. Туджмана). Иногда события конфликта интерпретируются разными исследователями полярно (например, инцидент в Борово Село). Главный тренд деконструкции дилеммы – размытие универсального и всеобъемлющего характера модели, отказ от «фатализма» в пользу акцентуации выбора варианта дальнейших действий акторов.

Систематизация произведенных нами теоретических выкладок и обобщение эмпирических данных позволяют выделить несколько ограничений в применении дилеммы этнической безопасности к анализу этнополитических конфликтов (на примере гражданской войны в Хорватии):

1. Отсутствие консенсусного видения данной теоретической модели. При рассмотрении теоретических работ авторов у исследователя складывается своя дилемма: либо признать, что существует лишь одна модель (допустим, в редакции Б. Позена или кого бы то ни было еще), либо признать существование явления (дилеммы) этнической безопасности *a priori* и определять степень близости авторов к определению его объективной сущности. Узвимые места модели Б. Позена – рациональность этнических групп, понятие анархии, роль идентичности и, собственно, драйверы дилеммы безопасности. Нетронутыми в модели Б. Позена остались именно факторы соотношения оборонительных и наступательных намерений, а также наличие окон возможностей и, собственно, спиральная модель. «Анархию», необходимую для возникновения ситуации дилеммы, стоит понимать как внезапно измененную среду со внезапно измененными правилами взаимоотношений акторов. Сама дилемма состоит в проблеме интерпретации намерений сторон, предъявляющих новые требования безопасности: действия акторов, направленные на укрепление собственной безопасности, воспринимаются оппонентами как ущемление их безопасности – к этому моменту спиральная динамика практически оформилась, где «окна возможностей» по Б. Позену – каналы эскалации конфликтности.

2. Невозможность однозначной интерпретации события при несогласованности интерпретации / неоднозначности элементов модели. Эта проблема показывает себя с двух сторон: во-первых, под одно теоретическое явление может подходить несколько событий; во-вторых, одно событие может быть иллюстрацией нескольких теоретических явлений. При этом исследователю трудно избежать «подгонки» фактов, особенно если теория изобилует абстрактными формулировками или завязана на слишком большом количестве обязательных констант или переменных.

3. Заложённая в модели (дилеммы) этнической безопасности недооценка влияния внешних факторов конфликта. Из рассмотренных нами авторов на необходимость учета этих факторов обратил внимание лишь Б. Позен. Он называет факт размещения миротворцев одной из ситуаций, где наступательная тактика выгоднее оборонительной, и рассматривает фактор ожидания внешнего вмешательства одним из «окон возможностей». Мы полагаем, что необходимо расширить теоретизацию влияния внешних факторов на дилемму безопасности. Внешняя помощь одному из акторов меняет соотношение сил, стимулируя рост вероятности превентивного удара как со стороны получателей – в силу получения явного преимущества в силе, так и со стороны оппонентов – ввиду невозможности разграничения наступательных и оборонительных намерений получателей помощи. Информация (и слухи) о поставках оружия Хорватии со стороны Германии и Венгрии могли стимулировать сербов на создание своих отрядов самообороны, а вмешательство ЮНА на стороне краинских сербов изменило соотношение сил на поле боя и позволило создать краинскую государственность.

4. Отсутствие (универсальности) релевантного явления. Обилие противоречий, разночтений и прямых неточностей в моделях авторов ставит под вопрос само существование ситуации дилеммы этнической безопасности как объективного явления межгруппового взаимодействия. Сама дилемма была призвана служить объяснительной моделью возникающих этнополитических конфликтов, а в рассмотренных нами работах модель часто выступает в роли эвфемизма собственно этнополитической конфликтности.

Таким образом, выделенные нами ограничения применения модели (дилеммы) этнической безопасности для анализа этнополитической конфликтности позволяют нам говорить о ее недостаточной проработанности и неуниверсальности в качестве объяснительной модели конфликтности. Модель дилеммы часто вбирает в себя черты конкретного конфликта, индуктивно выводя общие положения из конкретных эмпирических посылок, экстраполируя черты одного конфликта на другой, и это представляется теоретической ошибкой. Для доказательства существования эмпирического явления «дилемма этнической безопасности» необходимо проанализировать большое количество кейсов, что пока сделано не было. В то же время выявленные ограничения существующих моделей помогут последующим авторам «настроить прицел» и в случае выработки более общей теории сфокусироваться на наиболее слабых местах существующих построений.

Список литературы / References

- Гуськова, Е. Ю. (2001) *История югославского кризиса (1990–2000)*. Москва: Русское право/Русский Национальный Фонд. [Gus'kova E.Yu. (2001) *History of the Yugoslav Crisis (1990–2000)* [Istorija jugoslavskogo krizisa] Moscow: Russkoje Pravo/Russkij Nacziionalnyj Fond. (In Russ.)].
- Пивоваренко, А. А. (2014) *Становление государственности в современной Хорватии (1990–2001 гг.)*: Дисс. канд. ист. наук. Москва. [Pivovarenko, A.A. (2014) *Formation of statehood in modern Croatia (1990–2001)* [Stanovlenije gosudarstvennosti v sovremennoj Khorvatii]. Ph. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].
- Bilgic, A. (2013) 'Towards a new societal security dilemma: comprehensive analysis of actor responsibility in intersocietal conflicts', *Review of International Studies*, 39 (1), pp. 185–208, DOI:10.1017/S0260210512000095.
- Butterfield, H. (1951) *History and human relations*. London: Collins.
- Kaufman, S. J. (1996) 'An 'international' theory of inter-ethnic war', *Review of International Studies*, 22 (2), pp. 149–171, DOI: 10.1017/S0260210500118352.
- Marijan, D. (2008) 'Sudionici i osnovne značajke rata u Hrvatskoj 1990.–1991.', *Časopis za suvremenu povijest*, 40 (1), pp. 47–63.
- Melander, E. (2009) 'The geography of fear: Regional ethnic diversity, the security dilemma and ethnic war', *European Journal of International Relations*, 15 (1), pp. 95–124, DOI: 10.1177/1354066108100054.
- Očić, Č. (1996) *Hronika Republike Srpske Krajine 1989–1991*. Belgrade: Sava Mrkalj & Zora.
- Posen, B. R. (1993) 'The security dilemma and ethnic conflict', *Survival*, 35 (1), pp. 27–47, DOI: 10.1080/00396339308442672.
- Roe, P. (2000) 'Former Yugoslavia: the security dilemma that never was?', *European Journal of International Relations*, 6 (3), pp. 373–393, DOI: 10.1177/135406610006003003.
- Roe, P. (2004) 'Which security dilemma? Mitigating ethnic conflict: The case of Croatia', *Security Studies*, 13 (4), pp. 280–313, DOI: 10.1080/09636410490945901.
- Rose, W. (2000) 'The security dilemma and ethnic conflict: Some new hypotheses', *Security Studies*, 9 (4), pp. 1–51, DOI: 10.1080/09636410008429412.
- Saideman, S.M. (1996) 'The dual dynamics of disintegration: Ethnic politics and security dilemmas in Eastern Europe', *Nationalism and Ethnic Politics*, 2 (1), pp. 18–43, DOI: 10.1080/13537119608428457.
- Tanner, M. (1997) *Croatia. A Nation Forged in War*. New Haven and London: Yale University Press.
- Visser, E., & Duyvesteyn, I. (2014) 'The irrelevance of the security dilemma for civil wars', *Civil Wars*, 16 (1), pp. 65–85, DOI: 10.1080/13698249.2014.904986.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2023
Статья принята к печати: 15.01.2024

**THE ETHNIC SECURITY DILEMMA AS AN ANALYTICAL MODEL OF CONFLICT:
THE CASE OF THE CIVIL WAR IN CROATIA (1990–1995)**

D. Rastegaev

Daniil Rastegaev, Junior Researcher, Department of Political Sciences,
INION RAS, Moscow, Russia.
E-mail: rastegaev.2000@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1158-9987).

Abstract

The article attempts to evaluate the heuristic potential of the ethnic security dilemma model on the basis of a comparison of different ways of examining the conflict in Croatia (1990 – 1995). The first section presents a dynamic model of the Croatian civil war, dividing it into phases, highlighting the incident of the conflict and its main turning points. The following section reviews the key points of works that study the conflict based on the ethnic security dilemma. These works are divided into two main groups: those who follow and those who criticize the ethnic security dilemma, as proposed by its creator B. Posen. Criticism of the provisions is mainly limited to challenging the key pillars of the model: anarchy as a phenomenon, the role of leadership in intergroup relations, and the role of identity in the process of conflict formation. The author identifies limitations of the ethnic security dilemma as an analytical model for ethnopolitical conflicts. These limitations include the absence of a unified model, insufficient grounds for unambiguous interpretation of conflict events, underestimation of external factors, and the possible absence of a relevant phenomenon. Identifying these limitations will help refine the ethnic security dilemma for a more objective analysis of ethnopolitical conflict.

Keywords: ethnic security; security dilemma; ethnopolitical conflict; civil war in Croatia; Serbia; Yugoslavia; Krajina Serbs.